

ОСТАНОВИТЬСЯ,
ОГЛЯНУТЬСЯ

*Ахат
Мушинский*

64

Значение ЛИЧНОСТИ

А ЗНАЕТЕ ЛИ вы, что литературный музей Евгения Боратынского*, что расположен в старинной дворянской усадьбе города Казани, начинался в обычной средней школе? Начинался, развивался, стал государственным, принимал гостей, документально и высокопрофессионально рассказывал о великом русском поэте и его эпохе? Тогда я работал корреспондентом республиканской молодёжной газеты и был участником его открытия. Как сейчас помню: весна 1977 года, 21 марта, понедельник. Я и фотокорреспондент Альберт Багаутдинов под звонкую дробь капли направляемся на открытие школьного музея Евгения Боратынского. Не по заданию редакции, по зову души...

Его поэзией я заинтересовался ещё подростком, посмотрев фильм «Доживём до понедельника». Там преподаватель истории Илья Семёнович Мельников (прекрасная роль Вячеслава Тихонова), неспешно общаясь с учительницей русского языка и литературы Светланой Михайловной в пустом актовом зале школы, читает задумчиво вслух:

Не властны мы в самих себе,
И в молодые наши леты
Даём поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

---

* Фамилия Боратынский произошла от названия замка Боратынь (Подкарпатское воеводство Польши), которым во второй половине XIV века владел предок поэта, полководец Дмитрий Божедар. В XVII веке Боратынские переехали в Россию. Предполагают, что с лёгкой руки Пушкина, написавшего однажды фамилию своего друга-поэта через букву «а», Боратынский превратился в Баратынского. Потомки остались Боратынскими. По инициативе основателя музея В. Г. Загвоздкиной в Казани принято исконное написание фамилии поэта, через «о» – Боратынский.

*В. Г. Загвоздкина и А. Х. Мушинский на открытии школьного музея. 1977.
Фото Альберта Багаутдинова*

– Похоже на Некрасова... Нет?.. – гадают Светлана Михайловна. – Тютчев, Фет?..

– Полно, – отвечает Илья Семёнович. – Это не из школьной программы. Это Боратынский.

– Ну знаете! Боратынский!.. Никто не обязан помнить второстепенных поэтов! – восклицает преподаватель литературы, на что «историк» замечает:

– А его перевели... Перевели в первостепенные. Не слышали?

После фильма я сразу взял в библиотеке томик Боратынского. Оказалось, Тихонов в фильме прочёл концовку стихотворения «Признание». На мой взгляд, это лучшее стихотворение Боратынского. Его в своё время высоко оценил Пушкин. Он написал в письме А. А. Бестужеву: «Боратынский – прелесть и чудо, «Признание» само совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий».

Боратынский занял в моей душе особое место. И вот становится известно, что открывается его музей. Как такое упустить! Обязательно надо проинформировать читателей газеты.

...На пути из издательства у остановки «Энергетический институт» мы сворачиваем с шумной улицы Декабристов и направляемся к недавно построенной школе № 34. Входим в здание, поднимаемся на третий этаж, проходим светлым коридором, открываем обычную классную дверь и... попадаем в XIX век.

Иначе и не скажешь о созданном в школе музее поэта. Портреты знакомых и незнакомых лиц во фраках, цилиндрах, шляпках, бантах, старинные книги, грамоты, выцветшие письма на ятях и ижицах, с жирными росчерками гусяного пера на пожелтевшей бумаге – всё это унесло нас из современного мира в эпоху, с которой мы знакомы были лишь по книгам и фильмам...

Юный экскурсовод взволнованно читает стихи Боратынского:

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

66

Остановиться, оглянуться

Волнение восьмиклассницы понятно: настал, наконец-то, день открытия музея, её слушают потомки поэта – правнуки Матвей Архипович Алексеев, Ольга Архиповна Алексеева-Боратынская, Николай Матвеевич Алексеев; такие знатоки жизни и творчества поэта, как директор Мурановского музея-усадьбы им. Ф. И. Тютчева – К. В. Пигарёв (правнук Фёдора Ивановича), член-корреспондент АН СССР Б. М. Козырев, профессор Б. Л. Лаптев, астроном и прототип героя моего будущего романа «Шейх и Звездочёт» С. Н. Корытников... Благодарное тепло чувствуется в их внимательных глазах. Музей, создававшийся на протяжении четырёх лет, – это и их детище.

А зарождение его началось в октябре 1973 года. Именно тогда кружок любителей поэзии Евгения Боратынского, руководимый преподавателем русского языка и литературы Верой Георгиевной Загвоздкиной* (1924–1994), перешёл от простого изучения литературного наследия любимого поэта к сбору материалов о нём, его потомках, эпохе, в которой он жил.

Ребята написали письмо Ольге Архиповне Алексеевой-Боратынской и получили тёплый ответ с первым подарком – буклетом поэта. В том же году активисты создающегося музея с Верой Георгиевной поехали в Москву, где состоялось непосредственное знакомство с Ольгой Архиповной, а также с директором Мурановского музея, одного из старейших в стране, Кириллом Васильевичем Пигарёвым. Потомки двух замечательных поэтов одобрили идею создания музея. Ольга Архиповна передала часть своей богатой коллекции ребятам и рассказала об истории фамилии Алексеевых, которую носят трое правнуков.

Потомки Боратынского являют собой личности незаурядные. Сын и внук писали стихи, издавали сборники отца. Яркой фигурой была внучка поэта – Ксения Николаевна. Высокообразованная, энергичная, она всю свою жизнь посвятила просветительству. В Шушарах под Казанью Ксения Николаевна Боратынская открыла школу для крестьян и их детей. Первый этаж своего дома она отвела под классы. Сюда за знаниями из села Бирюли и пришёл крестьянин Алексеев, будущий педагог, муж Ксении Николаевны, отец Ольги Архиповны и её братьев.

Большим событием в жизни молодой просветительницы явилась встреча в 1907 году в Ясной Поляне со Львом Толстым. Великий писатель записал тогда: «Была Боратынская. Хорошая». А Ксения Николаевна сделала замечательный портрет Льва Николаевича с натуры и оставила интересные воспоминания о встрече с писателем (всё подарено школьному музею).

Ученики Ксении Николаевны стали людьми, что называется, с большой буквы. Когда шла экскурсия, выяснилось, что доктор физико-математических наук, директор Научно-исследовательского института физики и механики имени Н. Г. Чеботарёва, профессор Б. Л. Лаптев тоже учился у Ксении Николаевны.

О незаурядности рода Боратынских можно убедиться и на примере правнуков. Погибший в 1919 году семнадцатилетний Александр Боратынский был способным художником и музыкантом; его сестра Ольга Александровна Ильина-Боратынская стала поэтессой, прозаиком, автором известных книг «Канун Восьмого дня», «Белый путь. Русская Одиссея. 1919–1923», «Санкт-Петербургский роман»; Матвей Архипович Алексеев – доктором химических наук, профессором, Иван Архипович –

* Позже Вера Георгиевна в написании своей фамилии исключила букву «д», и все её книги напечатаны под фамилией «Загвозкина». Но тогда, в 1977 году, она представилась Загвоздкиной и свою фамилию в моём тексте не поправила.

Праздник рождения музея Е. А. Боратынского состоялся! Слева направо – К. В. Пигарёв, М. А. Алексеев, Б. Л. Лаптев, О. А. Алексеева-Боратынская; со спины – В. Г. Загвоздкина; далее через одного (неизвестного) – Б. М. Козырев. 1977.

67

Фото Альберта Багаутдинова

научным работником, физиком, Ольга Архиповна – пианисткой, Наталья Константиновна Толстая – художницей. Потомкам Евгения Боратынского создатели музея посвятили специальный раздел.

Четыре года неутомимый исследователь жизни и творчества поэта, учитель русского языка и литературы Вера Георгиевна Загвоздкина со своими юными исследователями собирала в коллекцию всё, что связано с именем Боратынского. Было немало поездок (Шушары, Каймары, Михайловское, Тригорское, Святогорский монастырь, музеи Москвы, Ленинграда, Пскова, Муранова), произошло много полезных знакомств, лекций, докладов, состоялось участие во Всесоюзном празднике пушкинистов... Пушкин ведь в сентябре 1833 года встретился со своим другом Боратынским в Казани. Евгений Абрамович был женат на дочери казанского помещика Л. Н. Энгельгардта – Анастасии. Потому-то Казань и имение жены – село Каймары (ныне Высокогорский район Татарстана) – были поэту близки. Здесь он жил месяцами, здесь у него родились дочь Мария и «Цыганка» – это уже поэма, а также ряд стихотворений. Вот строки из одного из них, навеянные в зимних Каймарах:

Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.

В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

(«Где сладкий шёлт»)

Интенсивная поисковая работа дала возможность привлечь к созданию музея широкий круг людей и организаций. Среди них – Государственный музей и Художественный фонд ТАССР, известные учёные Казани, музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева, Московский пушкинский, Ленинградский пушкинский. Свою лепту внёс бывший сотрудник Мурановского музея, дипломант многих престижных выставок, художник М. Б. Стриженов. Школьники установили связь с правнучкой

Ольгой Александровной Ильиной-Боратынской, проживавшей в Сан-Франциско (США), переписывались с людьми, имеющими непосредственное отношение к Боратынскому – с Кирой Казем-Бек (Польша), со знатоком жизни и творчества поэта, норвежским писателем Гейром Хетсо, который прислал в музей свой монографический труд о Боратынском. Неоценимую помощь оказали, конечно же, правнуки поэта. Ценные подарки сделали названные выше учёные Казани.

И вот музей создан. Единственный в своём роде (в Муранове он объединён с музеем Тютчева). Мы с коллегой рассматриваем экспозицию, фотографируем, делаем записи и удивляемся профессионализму создателей эпохи первой половины XIX века. Останавливаемся у портрета юного правнука Александра Боратынского, художника и музыканта, кисти любимой ученицы Фешина – Надежды Сапожниковой. В школьном музее представлен и сам Николай Фешин...

Известно, что настоящий музей славен подлинниками. Так вот они! – бювар поэта, оливковая шкатулка, шандал, два кресла из каймарского имения, прижизненные издания, личные вещи и ценнейший архив семейства Боратынских... Более двух с половиной тысяч экспонатов собрано здесь. Разделы – Мара, Петербург, Финляндия, Москва, Казань, Каймары, Мураново и другие – поражают мастерством исполнения.

В 1981 году школьный музей получил статус государственного. А в 1991-м он переехал в бывшую усадьбу Боратынских. Представляете себе, сколько лет музей Евгения Боратынского, уникальный, единственный и, акцентирую, – ш к о л ь н ы й, действовал на высочайшем профессиональном уровне, организовывал научно-поисковые экспедиции, обрабатывал полученные материалы, проводил экскурсии, поэтические праздники, нёс людям поэзию и свет культуры XIX века!

О роли личности в истории создано немало теоретических трудов, мне же довелось в реальности встретить человека, чья роль в обществе была пусть и не меняющей ход столбовой истории, но всё равно выдающейся. Разумеется, я о Вере Георгиевне Загвоздкиной. Любовь к поэзии, истории, педагогический талант, упорство в достижении цели в условиях жёсткой системы уравниловки тех лет позволили ей создать в школе музей высокого класса, сделать весомый вклад в историю поэтической отрасли* отечественной литературы. Это ж надо увлечь ребят творчеством «второстепенного» поэта, некогда даже не входившего в школьную программу, объединить юных любителей поэзии в команду, заразить энергией поиска, сподвигнуть на кропотливую, практически научную работу! Основатель единственного музея Боратынского, педагог, автор замечательных книг о Боратынском, Вера Георгиевна Загвоздкина – подлинный прораб духа**, движитель культуры второй половины XX века. Жаль, что имени её нет даже в нашей «Татарской энциклопедии».

Говоря о школьном музее, хочу назвать и имена юных экскурсоводов, работавших в день открытия хранилища старинной российской культуры. Это – Гульсина Сабирова, Лилия Селистровская, Нияз Сагдеев, Рафаэль Мустафин, Наталья Лукоянова, Ильгиз Ахмадуллин, Лилия Тарасова, Эльмира Шакирова... С годами актив музея менялся. Что поделаться, в школе не вечно учатся. Интересно, кем они стали, как на них повлияла деятельность в музее и живое соприкосновение с миром поэзии и искусства XIX века?

Работая над этим материалом и перебирая свой архив, я наткнулся в газете «Комсомолец Татарии» от 16 марта 1980 года на статью Дины Валеевой, ученицы 9 класса казанской школы № 34, члена музея Е. А. Боратынского. В ней –

* Пушкин в письме к А. И. Казначееву называл своё стихотворство ремеслом, отраслью честной промышленности.

** Поэтический образ А. Вознесенского в стихотворении «Прорабы духа».

и история школьного музея, и информация о его буднях, и сообщение, что последними исследованиями литературоведов уточнена дата рождения поэта – 19 марта, а не 2-е, как считалось раньше. Посему, как заключает юный корреспондент, «19 марта в школе № 34 станет настоящим праздником, посвящённым 180-летию Боратынского!»

Я подумал, не Дина ли Диасовна Валеева-Хисамова автор этой статьи, ныне заместитель директора Государственного музея изобразительных искусств Татарстана, кандидат искусствоведения, которую я хорошо знаю со времён тесного общения с её отцом, известным писателем Диасом Валеевым? Набрал номер её телефона. Точно – она. Разговорились.

Дина Диасовна рассказала о многолетней кропотливой работе по созданию музея, о руководящей роли Веры Георгиевны Загвоздкиной, которая пришла в 34-ю школу уже с готовым заделом и помощницами из школы № 112.

– Да, говоря о становлении музея, нельзя забывать и об активистах из 112-й школы, – сказала Дина Диасовна. – Мы действовали с ними, что называется, одной командой. Я училась тогда в пятом классе и сразу вступила в кружок любителей поэзии Евгения Боратынского, хотя и не слышала раньше о таком поэте. Пришла домой, спросила у отца, он разъяснил. И я до окончания школы работала в музее, участвовала в его становлении и далее...

Я поинтересовался:

– Не трудно ли было совмещать учёбу с работой в музее?

– В юности ничего не трудно. Кто-то, кроме учёбы, занимался спортом, кто-то музыкой, а мы вот – музеем.

До этого телефонного звонка, оказывается, немало интересного оставалось за полем моей информированности. Например, то, что нынешний директор музея Боратынского Ирина Васильевна Завьялова ещё студенткой Казанского университета активно участвовала в деятельности музея.

Дина Диасовна пояснила:

– Ближе к 1990-м годам здоровье Веры Георгиевны заметно пошатнулось. Она и раньше не отличалась отменным самочувствием. Особенно это было заметно при наших длительных поездках. И вот она увидела в лице увлечённой и энергичной студентки свою преемницу и стала готовить её себе на смену. Так что руководство музеем со временем совершенно естественно перешло в надёжные руки. А музей с переездом в усадьбу Боратынских в школе всё-таки остался...

Я сказал Дине Диасовне, что не помню её на открытии школьного музея в марте 1977 года.

Она посмеялась в ответ:

– Нас, обеспечивающих праздник, было ведь немало. И все мы, девочки, были в одинаковых белых фартуках...

Такие вот были девочки и мальчики, такой была их учительница в отдельно взятой школе в так называемые застойные времена.

***P.S.** Когда материал был уже готов, я узнал из публикации старшего научного сотрудника музея Е. А. Боратынского Елены Скворцовой, что Вера Загвоздкина в девичестве была Файрузой Бакировой. «Удивительно!» – сказал я себе сначала. А потом подумал и заключил: да ничего, в принципе, удивительного...*